

В четыре часа утра мусоровоз медленно въехал во двор жилого комплекса.

Двигатель глухо рокотал, фары выхватывали из темноты огромные световые пятна, которые тут же исчезали.

Работники, чье присутствие здесь было почти незаметным, молча и осторожно сортировали мусор — так же, как и тысячи ночей до этого, сливаясь с естественной тишиной.

Лишь в одном доме кто-то не спал.

Двое молодых людей, плотно закутавшись, быстрым шагом прошли мимо машины.

Один из рабочих невольно вздрогнул и с подозрением посмотрел им вслед:

— Куда это вы так рано собрались?

Ли Таогэ поправил шарф и улыбнулся:

— У нас рейс на рассвете, вот и спешим!

— А-а, понятно, — понимающе кивнул рабочий, присмотревшись. Высокий парень действительно тащил большой чемодан. — Берегите себя, молодежь, не гонитесь за дешевизной, покупая ночные рейсы! Поверьте моему опыту, в моем возрасте из-за бессонных ночей столько болячек вылезло!

— Хорошо, спасибо вам!

— Давайте, бегите!

Рынок сельхозпродукции и рынок стройматериалов в городе Цзиндэ находились в противоположных концах города — один на востоке, другой на западе.

Ли Таогэ подшутил:

— Прямо как в той поэме: на восточном рынке купим коня, на западном — седло?

Бай Циюй рассмеялся и толкнул его в плечо:

— Остряк.

Посоветовавшись, они решили сначала поехать на продуктовый рынок, опасаясь, что к обеду все свежее разберут.

Ли Таогэ предложил Бай Циюю поспать в машине, но тот отказался.

Даже закрыв глаза, он не чувствовал сонливости: пока в реальности не закончится этот кошмар, Бай Циюй не мог позволить себе спокойного сна.

Пусть лучше будет тяжело, думал он, лишь бы потом наконец выспаться.

В предрассветных сумерках город казался окутанным туманом, словно он еще не до конца проснулся.

Бай Циюй некоторое время смотрел в окно, и в этот странный, меланхоличный час к нему пришло вдохновение для сюжета игры. Он достал телефон и начал печатать.

Первая кульминация основного сюжета подходила к концу.

«...Канти Пейн никогда не забудет тот день: ветви опухолевидной головы тянулись к нему из-за окна, и он подписал контракт.

А та тварь, что клятвенно обещала его защитить, оказалась вовсе не такой могущественной, как он воображал.

Она лишь пользовалась преимуществом своего вида, будучи немногим выше него. Конечно, это «немного» — сушая мелочь по сравнению с Древним Владыкой, существующим с начала времен.

По сути, она ничем не отличалась от «Него» или «Нее» — та же злоба, та же тяга к убийствам, безумие и низменные желания.

Такому существу верить нельзя. Оно подло и низко.

Они заключили сделку, но никто не собирался ее соблюдать.

Контракты созданы для тех, кто чтит слово, а они оба были далеки от этого.

В конце концов, Канти Пейн сбежал в Город Серебряного Сияния, украв то, что ему не принадлежало, а опухшую голову «Он»...

На светофоре Ли Таогэ с интересом заглянул в экран и кивнул:

— Мощно.

— Что именно? — Бай Циюй улыбнулся. — Поделись впечатлениями.

— Спрашиваешь меня, художника...

— Теперь ты вспомнил, что ты художник? — поддел его Бай Циюй. — А не прекрасный принц, или, вернее, принц на черном коне?

Ли Таогэ с нагловатой улыбкой ответил:

— Ой, ты еще помнишь ту обиду? Дай мне время подумать.

Он взглянул в зеркало заднего вида. Бай Циюй опустил голову, его пальцы порхали по экрану, и была видна лишь часть его изящного лица.

После всего пережитого он выглядел неважно, хотя губы все еще оставались алыми, как яблоко.

И почему-то Ли Таогэ показалось, что Бай Циюй теперь похож не на яблочко, а на Белоснежку.

Не дождавшись ответа, Бай Циюй поторопил его:

— Не пытайся отговориться, давай говори.

Ли Таогэ отбросил непрошенные мысли, прочистил горло и сказал:

— В твоём тексте достаточно отчаяния, но мало безумия. В мифах Ктулху после столкновения с «невыразимым» есть лишь два исхода: фанатичное поклонение или ужас, сводящий с ума.

— То есть нужно ещё радикальнее?

— Примерно так.

Бай Циюй задумчиво опустил голову, что-то стирая и переписывая.

Ли Таогэ вел машину уверенно, и к пяти часам двадцати минутам они уже были у рынка.

Небо ещё оставалось темным, лишь на самом горизонте забрезжил слабый свет, предвещающий рассвет.

Несмотря на ранний час, вокруг уже кипела жизнь.

Здесь были перекупщики, спешащие закупить товар для мелких лавок, экономные старики и местные жители.

В преддверии Национального праздника все старались запастись продуктами, пока цены не взлетели.

Ассортимент поражал: от овощей и фруктов до морепродуктов, живого скота и сухофруктов. Были даже зоомагазины и корма, но часть товаров, вроде породистых свиней или овец, требовала предзаказа.

У входа дымились огромные котлы, сотни горячих пирожков ждали покупателей, и этот уютный аромат еды наполнял утренний рынок жизнью.

Ли Таогэ купил несколько штук на завтрак. Он смотрел, как Бай Циюй неспешно ест, а потом без тени смущения доел остальное.

Список покупок был непростым.

— Хозяин, у вас есть белые или черные петухи весом больше пяти цзиней?

— Черно-белые? — старик в соломенной шляпе нахмурился. — Обязательно такие? У меня есть двухлетние деревенские куры, мясо у них жесткое, вкусное!

Ли Таогэ заглянул за спину старика: в клетках и во дворе бегали пестрые птицы.

Обойдя три лавки, они наконец нашли у одной женщины петухов нужного окраса весом чуть больше пяти цзиней.

Поскольку нужны были живые, они попросили женщину связать их и положить в мешки.

Петухи были огромными, их гребни торчали из пластика, алые и жуткие, как запекшаяся кровь, и продолжали мелко подрагивать.

Бай Циюй с трудом завязал мешок, чтобы птицы не вывались.

Вдруг красный цвет словно превратился в жидкость и вспыхнул.

Огонь мгновенно перекинулся на Бай Циюя, обжигая руки, шею...

«Шипение...»

Воздух наполнился тошнотворным запахом горелого белка и едким дымом.

Снова.

Даже когда галлюцинация исчезла, Бай Циюя продолжало мутить.

Перед глазами все еще стоял этот ярко-красный уродливый орган, и его несколько раз стошнило — едва не вышли наружу съеденные пирожки.

Ли Таогэ перепугался:

— Что случилось? Передохни!

Женщина-продавец тоже засуетилась:

— Эй, вы еще не расплатились...

Ли Таогэ, одной рукой поддерживая Бай Циюя, другой отсканировал код для оплаты.

Бай Циюй, бледный, словно после тяжелой болезни, скрючился на земле.

Прохожие останавливались:

— С тобой все в порядке, парень? Низкий сахар?

— Все хорошо, дедушка, бабушки, спасибо! Я сам о нем позабочусь.

— Дайте ему конфетку или воды!

— Обязательно!

Ли Таогэ поспешно закрепил петухов в чемодане и купил в ближайшей лавке шоколад и воду.

Бай Циюй сделал несколько глотков, и тошнота немного отступила, хотя в ушах все еще звенело. К шоколаду он не притронулся — от одной мысли о приторной сладости его снова воротило.

Ощущение ожога было слишком реальным, и от воспоминания об этом чистом, жгучем алом цвете ему опять хотелось вырвать.

— Я заказал доставку лекарств, — успокаивал его Ли Таогэ. — Как только получим, я сразу заварю отвар, тебе станет легче.

— Угу. — Бай Циюй крепко зажмурился и поднялся, лицо его было белым как бумага. — Пошли, нужно еще много чего купить.

Клейкий рис, красные булочки, слоеные пирожные, кровь белой козы.

Туши коров, свиней и овец разделявали на части.

Бай Циюй был щедр, поэтому, когда он попросил отдать ему «голову» целиком, крепкий мужчина в тельняшке сразу согласился.

После перевода денег тот крикнул помощникам, чтобы они помогли загрузить товар, и, узнав адрес, невзначай спросил:

— Три вида скота — серьезный размах. Алтарь ставите?

Бай Циюй замер:

— Нет.

Мужчина весело махнул рукой:

— Не надо мне врать, на всем рынке только у меня свой убойный цех, в Цзиндэ все, кто проводит обряды, идут ко мне. Я глянул на твой список... У меня есть кровь черного осла, возьми ее в придачу!

— Спасибо... — Бай Циюй поджал губы. — Мы не ставим алтарь... В общем, это нужно мастеру Диме.

Мужчина больше не расспрашивал:

— Тогда желаю удачи! Пусть все задуманное исполнится!

Бай Циюй искренне сложил руки:

— Благодарю за добрые слова.

Неизвестно, был ли это запах крови на бойне или жуткие свиные и бараньи головы на прилавках, но Бай Циюя снова замутило.

Его это удивляло, он чувствовал, что заражен «Им»: раньше он не боялся вида крови. В детстве, когда бабушка водила его на рынок, он смотрел, как мастер режет кур, и ничуть не пугался.

Он рано начал все понимать, и хотя бабушка закрывала ему глаза, он подглядывал сквозь пальцы.

Мастер взмахивал ножом, перерезал горло петуху, голова безжизненно свешивалась, кровь брызгала фонтаном...

Она была теплой, солоновато-сладкой.

Очень сладкой.

Бай Циюй вздрогнул, приходя в себя, и услышал бормотание Ли Таогэ.

— Что ты там шепчешь? Прабабушка передала тебе заклинания?

— Намо Амитабха, Гуаньинь Пуса, защити нас, Иисус Христос, защити...

— Не кричи имена богов попусту, еще обидятся.

— Не обидятся, — серьезно ответил Ли Таогэ. — Если они не защищают тебя, значит, их просто не существует.

— Софистика...

Видя, что Бай Циюй оживился, Ли Таогэ и сам повеселел.

Он протянул руку, словно хотел взъерошить его волосы, но передумал и похлопал по спине:

— Опять загрустил?

Бай Циюй посмотрел на высокого мужчину, который, будучи обвешанным пакетами, все равно находил силы заботиться о нем, и с трудом сдержал слезы.

Тот, кто когда-то был атеистом и бежал от магии, теперь стал принимать метафизику и даже молиться богам — и все ради него.

— Я не грущу, — тихо сказал он. — Просто ты такой надежный... Почему ты такой надежный? Ты так добр ко мне, чем я это заслужил?

Ли Таогэ рассмеялся:

— Эй, парень, не надо с утра пораньше устраивать мне тут драму, не дави на жалость.

Бай Циюй серьезно посмотрел на него:

— Я не шучу. С прошлой ночи я не могу перестать думать о том, что бы со мной стало, если бы тебя не было рядом.

Ли Таогэ сглотнул:

— И что бы стало?

— Наверное... — Бай Циюй опустил глаза, — я бы сломался.

— ...Не говори таких глупостей. Без меня нашелся бы кто-то другой.

Ли Таогэ, что случалось редко, запнулся:

— Правда, никто не незаменим.

Бай Циюй лишь слабо улыбнулся, отрицательно качая головой.

Он улыбался едва заметно, и в предрассветном свете был похож на маленький белый цветок, купающийся в утренних лучах в укромном горном уголке.

Сердце Ли Таогэ забилося чаще. Он очень хотел коснуться этих нежных лепестков, но сейчас было не время.

Он отшутился и потянул Бай Циюя дальше по списку.

Никто из них не заметил, как за их спинами поднялся ветер.

В вихре запаха крови и пыли он пронесся мимо деревьев, подхватил край одежды парня и растворился в его волосах.

Бай Циюй что-то почувствовал и замедлил шаг.

— Что такое?

Он оглянулся — сзади никого.

У входа на бойню ярко горела стоваттная лампа, и никто из торговцев, спорящих о ценах, не смотрел в их сторону.

Лишь тощий старый бродяга с глубоко посаженными глазами, похожий на белого, копался в мусоре.

— Ничего. — Бай Циюй отвернулся и сменил тему: — Смотри, неплохие юаньбао, правда?

Днем, слегка перекусив, они отправились на рынок стройматериалов.

Глядя на пункты списка, связанные с «рисованием», Бай Циюй схватился за голову.

— Даже имен нет? — вздохнул он. — Мастер, как мы это объясним продавцам?

Первым в списке был двухметровый «чучело-столб», обмотанный грубой веревкой, с намеком на голову, тело и руки. Детали не важны, главное — устойчивость.

Второе — дерево, восемьдесят цзиней для сжигания, название которого даже нельзя было набрать на клавиатуре.

— Хорошо хоть размеры указали, — проворчал Ли Таогэ. — Походим, посмотрим, если не найдем — куплю материалы и сделаю сам.

Бай Циюй удивленно посмотрел на него:

— Ты и это умеешь?

— Раз уж ты назвал меня мастером, придется учиться на ходу.

Бай Циюй усмехнулся:

— Сначала поищем.

В итоге нужных странных вещей они не нашли.

Посоветовавшись, купили в мебельном магазине вешалку-стойку высотой метр восемьдесят, круглый табурет для высоты и двадцать метров грубой пеньковой веревки в магазине крепежа.

Остальные мелочи нашлись в большом хозяйственном магазине. Список был завершен.

В машине Бай Циюй на всякий случай перепроверил все и нашел проблему:

— Кажется, мы не купили фрукты?

Ли Таогэ мельком взглянул в зеркало:

— Может, мастер Цзинцзун их не любит?

Под неодобрительным взглядом Бай Циюя он нагло усмехнулся:

— Ладно, ладно, я серьезно. Может, они и не нужны. А если что — закажем доставку.

Бай Циюй решил, что это логично, и больше не спрашивал.

Устав за день, они решили побаловать себя ужином.

Настроение Бай Циюя улучшилось, аппетит вернулся.

В торговом центре 701 перед праздником все заведения устраивали акции, и они решили пойти в новую шашлычную.

Это была типичная северо-восточная кухня: на промасленной бумаге жарились кусочки мяса в соусе, источая аппетитный аромат.

— Соус здесь и правда хорош, — Ли Таогэ продолжал жарить и подкладывал Бай Циюю мясо. — Попробуй этот куриный хрящик.

— Спасибо. Вау, маринад просто потрясающий...

Ли Таогэ тихо рассмеялся и положил ему картошку и баклажан, но Бай Циюй не притронулся к овощам.

Ли Таогэ поддразнил его:

— Сколько тебе лет, а все перебираешь? Нельзя есть одно мясо, нужны овощи.

— Не хочу. — Бай Циюй с трудом проглотил кусочек баклажана, его снова замутило. — Мы так долго эволюционировали до вершины пищевой цепочки не для того, чтобы есть траву.

Ли Таогэ не стал спорить и продолжал подкладывать ему мясо.

Вскоре перед Бай Циюем выросла гора еды. Он отобрал шипцы:

— Хватит, я тебе что, ребенок из детского сада? Дай я пожарю, а ты ешь.

Ли Таогэ удивленно поднял брови:

— Выглядишь таким изнеженным, а оказывается, умеешь готовить?

— Ха? Почему это я изнеженный?

Ли Таогэ нагло усмехнулся:

— Правда. Когда мы только познакомились, я думал, ты капризный сноб, и, оказывается, так оно и есть...

Бай Циюй разозлился:

— Что за бред, я что, такой невыносимый?

Ли Таогэ начал загибать пальцы:

— Про чистоплюйство я молчу, а твой перфекционизм? Подарил тебе книгу, а ты скривился.

Вспомнив об этом, Ли Таогэ с ностальгией отхлебнул рисовой водки:

— Честно, я тогда хотел тебе врезать, но ты такой хрупкий, что, небось, расплакался бы от одного удара, вот я и сдержался.

Книга?

Бай Циюй сразу понял, о чем речь.

Когда он только пришел в компанию, Ли Таогэ, как старший, подарил ему книгу по дизайну игр.

Бай Циюй был благодарен, но открыл ее и увидел огромное пятно от чая на страницах!

Желтое, сморщенное, словно ее вытащили из туалета!

Бай Циюй любил книги и чистоту, поэтому был в ужасе и чуть не выбросил ее.

Хотя он ничего не сказал, выражение лица его выдало.

Ли Таогэ продолжил:

— Еще имеешь наглость злиться? Я же не виноват, это старик Ма ее выпросил, я не уследил, а он ее залил чаем!

Бай Циюй замер:

— Правда?

— Зачем мне врать!

Ли Таогэ сердито выпил еще водки:

— Книга шла морем две недели, новую купить не успевал, пришлось дарить такую... Я ее и чистил, и сушил!

Бай Циюй был шокирован: оказывается, пропасть между ними возникла из-за такой глупости.

— Почему ты раньше не сказал?

— Я не думал, что ты презираешь меня или книгу, просто... жаль, что ты так небрежен с вещами. Прости, что я тогда смотрел на тебя свысока.

— Пустяки, — Ли Таогэ покачал головой. — Я давно не держу зла.

— В конце концов, мы неплохо сработались. А потом я узнал тебя получше... и понял, что ты отличный парень.

Видимо, этот комплимент дался Ли Таогэ нелегко. Он смущенно поправил длинные волосы и, увидев насмешливый взгляд Бай Циюя, покраснел:

— Но я все равно считаю тебя изнеженным, ты же боишься боли и вечно плачешь... Ай, за что ты меня пнул!

Бай Циюй сверкнул глазами:

— Замолчи и ешь!

Ли Таогэ рассмеялся:

— Не буду. Буду звать тебя Цзяоцзяо (неженкой)?

— Ли! — Бай Циюй хотел встать и ударить его, но Ли Таогэ поспешно принял серьезный вид.

Через некоторое время Бай Циюй задумчиво покачал головой:

— Не зови меня так, серьезно. Не то чтобы я ненавижу это прозвище... так меня называла бабушка.

Ли Таогэ замер и искренне извинился:

— Прости.

— Ничего, — Бай Циюй покачал головой. — Это было давно.

Он подозвал официантку, чтобы сменить бумагу, и, наблюдая за ее быстрыми движениями, перевел тему:

— Лин Сяо сказал, что ты хочешь уйти в свободное плавание, это правда?

Бай Циюй думал, что он будет отпираться, но Ли Таогэ сразу признался:

— Да. Видел сообщения в моем телефоне?

— ...Извини.

Ли Таогэ весело рассмеялся:

— Ничего секретного, я и так собирался пригласить тебя с собой.

Бай Циюй удивился, указывая на себя:

— Меня?

— Ага. Новая студия, нужен сценарист, зарплата на 20% выше нынешней, пойдешь?

— Но у меня всего год опыта...

Ли Таогэ усмехнулся:

— Разработчики — и верите в «стаж»? Твой сценарий хвалили даже старики с десятилетним стажем. У меня плоховато с языком, но вкус есть — не принижай себя.

В сердце Бай Циюя стало тепло:

— Я и не знал, что он так меня ценит.

— Эй, старик Сюй не раз говорил о тебе, когда мы пили, не знал? Он даже сказал, что в их следующем проекте много текста и он может пригласить тебя. Но я ответил, что ты идешь со мной, так что ему ничего не светит!

— Тао-гэ...

Ли Таогэ посмотрел на него очень серьезно, без тени шутливости:

— Я не шучу. Как только закончу демо для Ци Жуна, я уйду, и ты пойдешь со мной.

Он достал телефон, нашел в личном чате документ и протянул ему.

Бай Циюй отложил щипцы, вытер руки и взял телефон.

Он начал читать, и лицо его стало серьезным.

Это был детально проработанный план игры под названием «Back to Frooklyn», приключение в открытом мире от первого лица.

Главный герой — «голова» робота без имени, с кодовым названием «Kaico».

В 3021 году, проснувшись, он обнаружил, что все люди и роботы погружены в сон.

Ему предстоит сражаться в кошмарных мирах, спасти «Спящий город», искать улики и вернуться в «Frooklyn».

Но больше всего Бай Циюя поразило:

— Ты... показываешь это мне?

Тема, геймплей, арт-стиль — все было на высшем уровне, были даже кадры реального геймплея.

Было ясно, что это амбициозный проект, претендующий на уровень AAA-игры, который поразил бы любого в индустрии.

Такой креатив стоило держать в строжайшем секрете до выхода демо.

— Ну смотрю и смотрю. — Ли Таогэ рассмеялся. — Может, это звучит странно, но с первой встречи я почему-то доверяю тебе.

— В тебе есть что-то неуловимое, очень чистое и полное жизни, как в маленьком деревце.

— Конечно, большую часть времени ты холодный и держишься на расстоянии... Но разве ты не заметил, что всем ты нравишься? Ты... можешь не носить такую толстую броню.

У Бай Циюя защемило в груди, он попытался улыбнуться:

— Я знаю. Но это же коммерческая тайна...

Под настойчивым взглядом Ли Таогэ Бай Циюй сдался и продолжил читать.

Ли Таогэ занервничал, начал вертеть палочки, потом схватил многофункциональный нож и, очистив его, начал вырезать что-то на яблоке, оставшемся после десерта.

У него были большие руки, а нож — крошечный, ему приходилось изо всех сил сжимать пальцы, чтобы не соскользнуть.

Стружка падала на стол, и на яблоке проступила маленькая корона.

Наконец Бай Циюй глубоко вздохнул:

— Боже, если бы я был тобой, я бы давно уволился и посвятил себя только этому.

— Это... это просто потрясающе. Если получится это реализовать, я буду счастлив.

Ли Таогэ от похвалы даже покраснел до кончиков ушей.

Рука его дрогнула, но он очень осторожно, словно неся настоящую корону, положил яблочное украшение на тарелку Бай Циюя.

— Тогда... я сразу скажу о неприятном...

Сердце его было в смятении, язык заплетался.

— В нашей студии сейчас всего двенадцать человек, половина из которых работает на полставки. Инвестор пока только один, выделил два миллиона в качестве ангельских вложений, но требует предоставить демоверсию уже к концу года.

Он помолчал и добавил:

— Возможно, я говорю лишь о вероятности, но мы можем не успеть даже за три года, да что там — мы можем исчерпать все сбережения раньше, чем закончим. Тебе нужно хорошенько всё обдумать.

Бай Циюй мягко опустил взгляд, глядя на яблочную корону на тарелке, а затем перевел глаза на Ли Таогэ — крутого парня, который всегда славился своим красноречием, а сейчас выглядел глупо, словно сказочный гном.

— Куда же подевался тот острый на язык парень, который еще минуту назад расхваливал меня и заманивал на этот корабль? Теперь ты передумал? Считаешь, что я не гожусь?

— Я совсем не это имел в виду!

— Ли Таогэ, — Бай Циюй отчетливо произнес его имя. — Все, о чем ты говоришь, меня не пугает. Поверь, совсем.

Он поднял глаза на собеседника:

— Взгляни на то, через что я уже прошел. Господи, да я даже не знаю, чего еще можно бояться после того, как всё это закончится. Бояться бедности? Лишений? Да что это по сравнению с остальным.

Бай Циюй подался вперед:

— Ты доверяешь мне, и я отвечу тебе честностью: хоть я и проработал в той команде больше года, с меня хватит создания игр ради наживы. Все эти хиты, которыми завален рынок... имеют ли они хоть какое-то отношение к играм? Разве это не просто выкачивание денег за цифры? Я пришел в индустрию не ради этого. Я хочу создавать игры, которые заставят игроков улыбаться так искренне и беззаботно, как дети, игры, после которых хочется возвращаться к пережитому снова и снова.

— Сяо Бай...

Мясо на гриле, о котором все забыли, начало подгорать, издавая шипящий звук. Воздух наполнился густым, аппетитным ароматом, но никому не было до этого дела.

Бай Циюй бережно отправил в рот яблочную корону. Его глаза сияли, словно звезды, когда он крепко сжал руку Ли Таогэ.

— Решено. Когда я пойду за тобой, не смей мне отказывать. А когда всё закончится... мы вместе сделаем AAA-проект!

Ли Таогэ не выдержал, поднялся, обошел стол и заключил Бай Циюя в крепкие объятия.

— Не слишком ли это неуместно? — голос Ли Таогэ дрогнул. — Я хотел пригласить тебя в дорогой ресторан, в окружении изысканных вин и красивых пейзажей, чтобы убедительно и красиво заманить тебя в нашу команду... А сейчас это выглядит так, будто я совсем тебя не ценю.

Бай Циюй ласково похлопал его по спине:

— Тогда дождемся конца, а потом наверстаем. Сразу предупреждаю: японскую кухню не предлагать.

— Хорошо.

— И побольше мяса, — добавил Бай Циюй. — Без овощей.

— Договорились.

Бай Циюй на мгновение замер, похлопывая его по спине, а затем негромко произнес:

— Я хочу спросить о чем-то еще более неуместном...

Сердце Ли Таогэ забилося чаще. Несмотря на то, что завтрашний день мог стать решающим, он не чувствовал страха — напротив, его переполняла какая-то странная, горячая энергия. Это было неправильно, крайне неуместно. Но ведь это Бай Циюй первым нарушил правила.

Ли Таогэ попытался успокоиться, сделав глубокий вдох, но понял, что от этого сердце забилося лишь быстрее. Он отвел взгляд, не решаясь смотреть на лицо Бай Циюя:

— Спрашивай.

— Фруклин... где это на самом деле?

Сердце Ли Таогэ пропустило удар. Спустя некоторое время он ответил хриплым голосом:

— Это край, о котором никто не знает. Чистая земля.

Он помолчал и продолжил:

— Моя мысль была такова: название этого места почему-то оказалось заложено в настройки маленького робота. Может, это была прихоть кого-то из разработчиков, а может, незначительная опечатка... Но Кайко верит: что бы ни случилось, если добраться до Фруклина, можно очиститься от всего.

— Как здорово, мне нравится эта концепция, — пробормотал Бай Циюй. — Прямо как любовь, ненависть, страх или надежда — чувства, в которых нет ни плоти, ни костей, но которые властвуют над всем. Люди готовы лететь на этот свет, словно мотыльки, не жалея себя.

Он резко сменил тон и пристально посмотрел на Ли Таогэ, словно пытаясь разглядеть что-то в его насмешливых, но таких мягких глазах.

— Так Фруклин существует на самом деле?

Ли Таогэ улыбнулся:

— Если ты хочешь, чтобы он существовал, значит, так оно и есть. Ведь ты — наш главный сценарист.

— Ну вот, ты и сам еще не решил.

— Именно поэтому я и пригласил тебя, — Ли Таогэ постарался придать голосу легкость. — Хватит ли у нас смелости построить свой собственный Фруклин?

Ли Таогэ никогда не забудет те вечера. В ярко освещенной, наполненной ароматами жареного мяса закуской Бай Циюй обнимал его и во весь голос кричал, что они вместе сделают ААА-игру. И он же, всего лишь ночь назад, слышал в кошмарах Бай Циюя мучительный бред, когда прижимал к себе юношу, изможденного грязью этого мира.

За окном у прохожего зазвонил телефон, заиграла песня Джея Чоу «Часы в обратном направлении». Человек не отвечал на звонок, лишь тихо подпевая: Мое небо — это дождь, ветер или радуга, ты управляешь...

Ли Таогэ подумал, что теперь ему больше не придется беспокоиться о сценарии. Бай Циюй был лучшим.

<http://bllate.org/book/18696/1807005>